

Глава 1

Вы знаете, я миллион раз представляла, как в коридоре школы сталкиваюсь с парнем своей мечты. Я роняю учебник, он его поднимает, мы встречаемся глазами и, конечно, пробегает искра. Знакомая картинка? Чувствую своим долгом вас предупредить — эта ситуация может обернуться самым нелепым событием в вашей жизни.

Во-первых, это больно. Потому что я резко развернулась, а он жестикулировал и ударил меня локтем в переносицу. Так что с белыми кругами, плывущими перед глазами, я машинально присаживаюсь и начинаю ползать на коленях, собирая свои книги. Их на полу слишком много, наверное, половина из них не мои, но я особо не разбираюсь. К тому же ничего не вижу.

Поэтому бормочу извинения, хватаю учебники наугад, мну тетради, запихивая их на дно сумки. Подаюсь вперед и ударяюсь лбом о лоб парня, в которого врезалась, потому что он тоже на коленях подбирает свои вещи. И тут слышу у себя за спиной:

— Ян!

— Что? — я оборачиваюсь, потирая уши-
бленное место.

Передо мной Глеб, парень из одиннадца-
того, «Мистер идеальная прическа». Не знаю,
сколько времени он проводит по утрам
в ванной, но его волосы всегда лежат строго
под одним углом, наверх и чуть вбок. Как
у компьютерного персонажа.

На секунду я читаю в его глазах изумление,
а потом он фыркает от смеха.

Нет. Нет, только не это. Если это Глеб,
значит... Я медленно оборачиваюсь обратно.
Да, так и есть. Это Ян. Моя тайная любовь.
Моя и еще доброй половины школы. Все вну-
три переворачивается от ужаса.

Я думала, это было бы так романтично,
если бы мы начали встречаться — Яна и Ян.
Как парочка из книги. Но это было до того,
как он чуть не разбил мне нос, а я подумала,
что его друг окликнул меня. Какой кошмар.

Яна и Ян — тупее и придумать нельзя
было.

Чувствую, как начинают гореть щеки, а по
цвету я наверняка сравнялась со своим бор-
довым свитером.

— Яна, вот ты где! — а этот звонкий дев-
чачий голос уже явно обращается ко мне. —
Физик нас уьбет, мы начинаем с доклада!

Оливка, моя подруга, несется на меня из полумрака коридора. Я чувствую огромное облегчение, когда Настя хватается меня за руку и тянет за собой, поднимая с пола. Едва успеваю схватить свой портфель с кое-как утрамбованными учебниками. На прощание беспомощно смотрю в глаза Яну. Он сидит на полу, приложив ладонь ко лбу и, кажется, ему смешно.

Уже в классе Оливка радостно сообщает мне:

— Я спасла твою задницу!

Я же досадливо морщусь и бормочу:

— Знаю.

— Нет, конечно, я могла оставить тебя копошиться там в груди учебников, но выглядела ты достаточно... жалко.

— Насть!

— Ну что? Ладно, прости. Не жалко. Но тебе точно было неловко. Кажется, ты не такой встречи хотела с любовью всей твоей жизни?

Я шиплю на нее, прикрывая лицо рукой. Физик бросает на нас выразительный взгляд. Не хватало еще схлопотать замечание.

Оливка выдерживает паузу, чтобы учитель отвернулся, и продолжает шепотом:

— Но вообще это достаточно романтично. Вы столкнулись в коридоре, он первый

раз тебя заметил и после этого никак не мог выкинуть тебя из головы, — она мечтательно подпирает подбородок ладонью, — что ты делаешь?

Я молчу и нервно листаю учебник. Вперед, зачем-то назад, потом снова вперед. Ставлю его ребром на парту и для верности просматриваю сразу все, заставляя их опасть веером.

На полях нет ни одной зарисовки. Он не мой.

И тут, наверное, нужно немного объяснить. Я рисую. Я всегда и везде рисую. Чаше, конечно, на планшете, но, если у меня в руках ручка, я автоматически начинаю выводить мелкие картинки где-то на полях. В учебниках я делаю это карандашом, и это единственное, к чему я смогла себя приучить. Так что в конце года я сажусь и стираю все свои художества по несколько часов обычным ластиком. Зато я, наверное, единственная школьница, которая действительно пользуется ластиком... Короче. Эти страницы передо мной девственно чисты.

Я беспомощно поворачиваюсь к Оливке. Должно быть, в глазах плещется такой ужас, что она хмурится и спрашивает без сарказма:

— Что случилось?

— Насть, я попала.

— Да почему?

— Учебник не мой.

— Не понимаю.

Я чуть не плачу и торопливо поясняю со сбитым дыханием:

— Наверное, там, в коридоре, мы их перепутали, когда собирали свои сумки. Вот, видишь, — я поворачиваю книгу обложкой, — он совмещенный для десятых и одиннадцатых классов.

И тут наконец до подруги доходит. Она округляет глаза и шепчет:

— То есть твой учебник у Яна? Со всеми твоими рисунками? С его портретами? С армией сердечек? С комиксами про вашу историю любви?

Мне становится в буквальном смысле дурно. Тошнота подступает к горлу, и я неосознанно закрываю ладонью рот. И даже Оливка выглядит взволнованной, а она никогда ни из-за чего не парится.

Физик наконец не выдерживает:

— Оливко, Петрова, я надеюсь, вы так шумно репетируете свой доклад. Потому что самое время нам его представить, — и он жестом приглашает нас к доске.

.

После урока, который по ощущениям длился целую вечность, я выпадаю в коридор.

— Яна, это было твое худшее публичное выступление, — догоняет меня веселый голос подруги.

Я огрызаюсь:

— А обычно я прям звезда!

Оливка берет меня за руку и отводит в сторону. Становится серьезной и прислоняет меня к стене, взявшись за плечи.

— Послушай, все будет хорошо. Мы сейчас со всем разберемся.

— Как? Господи, какой стыд! Ты можешь представить, какой это, блин, долбаный стыд?!

Настя встряхивает меня:

— Тихо. Если ты начнешь истерить, нам это точно не поможет. Или ты хочешь, чтобы кто-то из одноклассников услышал, какой это стыд?

Это немного отрезвляет. По крайней мере у меня получается замолчать и сосредоточиться на том, что мне говорит Оливка.

— Сначала мы пойдем на первый этаж и узнаем, когда у Яны физика.

— А потом?

— А потом помолимся. Ян, давай разберемся сначала с расписанием и спасем тебя от обморока.

Тяжело вздохнув, я киваю.

Мы торопливо спускаемся на первый этаж, и все это время Оливка поддерживает меня под локоть. Мы часто так ходим, но, кажется, сейчас это действительно необходимо.

Около расписания я и вовсе перестаю дышать.

— Смотри! — восклицает Настя. — У них физика только в среду! А сегодня была первым уроком.

Я снова шиплю на подругу, потому что рядом стоят пятиклассники. Сомневаюсь, что им есть дело до чьей-то физики, но я все равно не хочу, чтобы Оливка говорила так громко, как она привыкла.

Подруга послушно понижает голос:

— Сегодня пятница, и я сильно сомневаюсь, что он прям такой педант, что станет делать в выходные уроки на среду. Думаю, пока что ты точно в безопасности.

Я тереблю прядь, которая выбилась из хвоста.

Говорю:

— Хорошо. Это же хорошо? Да, ты права, он не станет даже доставать учебник на выходных. А теперь что?

— А теперь мы пойдем на физру.

— Что, прости? — интересуюсь ошарашенно.

— Тебе нужны разборки с Ольгой Геннадьевной? Мне — нет. Я уже прогуливала в прошлый раз, и физрук ей стопудово наступит. А она точно позвонит маме.

И Оливка быстрым шагом устремляется к лестнице, решительная, как всегда. Можно подумать, она одна прогуляла в прошлый раз! Я бегу за ней, на ходу продолжая накручивать прядь на палец. Ладно. Все уже случилось. Это уже катастрофа. Если я пойду на урок, ситуация не станет хуже.

Глава 2

Звонок звенит, когда мы только заходим в раздевалку, но Оливка все равно переодевается очень обстоятельно. Так что, когда я уже натянула серые треники и черную футболку, она все еще возится со спортивным бра. Я отворачиваюсь к зеркалу и переделываю хвост. Тугой резинкой стягиваю каштановые волосы, и они волной ложатся мне на спину между лопаток. Хотелось бы под-

стричься короче. Например, как Оливка. Я смотрю на нее через зеркало. Ее крашенные в блонд пряди едва достают до плеч. Настя натягивает носки.

— Знаешь, что странно? — я все еще смотрю на нее в зеркало. — Ты все делаешь очень быстро, но одеваешься страшно медленно.

— Потому что нельзя экономить на своем внешнем виде. Ни деньги, ни время, — она двигает меня в сторону и наносит на губы блеск, зажав в руке брендовый флакончик.

Я закатываю глаза и показательно вздыхаю.

В зал мы выходим, разумеется, последние. Все уже выстроились в шеренгу, физрук смотрит на нас, сложив руки на груди. Боже, сегодня явно не мой день.

Мы торопливо занимаем свои места.

— Попугайчики-неразлучники, — говорит Карась, который получил свое прозвище, вероятно, за круглые глаза навывкате, — ну, сегодня вы хотя бы явились, премного благодарен.

Он пристально смотрит на меня. Да, сходство с рыбой, так сказать, налицо.

— Ну что, пятница у нас день волейбола. Если вы ведете себя хорошо. Были отдельные прецеденты, — снова этот взгляд, — но

сегодня все же поиграем. Десять кругов по залу, марш!

Мы с Оливкой бежим бок о бок, взяв неспешный темп.

— Спасибо, девчат, услужили.

Это Миша Попов, поравнявшись с нами, поджимает свои тонкие губы.

— Попов, не проживешь без своего волейбола? Беги быстрее, а то все мячики разберут.

Настя даже не смотрит в его сторону, держит спину ровно, тон насмешливый. Я невольно ей люблюсь. И молчу, как всегда. Она знает наших одноклассников гораздо дольше, так что я всегда теряюсь и оставляю ей право отбивать нападки. Тем более, что она за словом в карман не полезет. Да и карманов на ее облегающих велосипедках с пушапом просто нет. Ха-ха, заметили мой тонкий юмор? С таким мне точно лучше помалкивать.

— Ян, опять ведешь внутренние диалоги?

— А?

— Ты гримасничаешь, я вижу, что ты что-то там внутри своей головы обсуждаешь.

Я улыбаюсь. Оливка всегда говорит правду и всегда подмечает то, что другим не так уж важно. Поэтому она мне сразу понравилась.